

FREEDOM, RESPONSIBILITY, AND DIGNITY IN A ALGORITHMIZED SOCIAL ENVIRONMENT

Filippov Olgerd Aleksandrovich

Doctor of Philosophy in Philosophical Sciences (PhD),

NIHE "PROFI UNIVERSITY," Navoi, Uzbekistan

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18693502>

ARTICLE INFO

Received: 12th February 2026

Accepted: 18th February 2026

Online: 19th February 2026

KEYWORDS

Algorithmization, subjectivity, freedom, responsibility, dignity, interface rationality, filtering architecture, possibility structure.

ABSTRACT

Algorithmization of the social environment describes the state in which algorithmic systems cease to be external tools and begin to function as structural elements of the social order. The problem is that such normativity acts imperceptibly: it neither prohibits nor formulates norms, but rather designs the "structure of the possible," making some trajectories of behavior probable and visible, while others are unlikely. The purpose of the article is to reconstruct, based on the conceptual description of algorithmized sociality, how freedom, responsibility, and dignity are re-formulated in these conditions. The method is theoretical-analytical: clarifying terms, restoring the logic of transitions, and highlighting differences. It is shown that freedom shifts from autonomy to the ability to distinguish between what is possible and what is proposed and to hold a pause, responsibility dissipates in the mode of delegated decisions and requires understanding as an ethical trace of participation, dignity becomes the limit of instrumentalization and is associated with the right to non-transparency, error, and non-conformity of the model. In conclusion, the necessity of philosophical reflection on this situation as a condition for preserving subjectivity in an environment where much has already been miscalculated is substantiated.

СВОБОДА, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ДОСТОИНСТВО В АЛГОРИТМИЗИРОВАННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Филиппов Ольгерд Александрович

Доктор философии по философским наукам (PhD),

НУВО «PROFI UNIVERSITY», Навои, Узбекистан, olgerdphilippow@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18693502>

ARTICLE INFO

ABSTRACT

Received: 12th February 2026

Accepted: 18th February 2026

Online: 19th February 2026

KEYWORDS

Алгоритмизация,
субъектность, свобода,
ответственность,
достоинство,
интерфейсная
рациональность,
фильтрационная
архитектура, структура
возможного.

Алгоритмизация социальной среды описывает состояние, в котором алгоритмические системы перестают быть внешними инструментами и начинают функционировать как структурообразующие элементы социального порядка. Проблема состоит в том, что такая нормативность действует незаметно: она не запрещает и не формулирует нормы, а проектирует «структуру возможного», делая одни траектории поведения вероятными и видимыми, а другие - маловероятными. Цель статьи - реконструировать, на материале концептуального описания алгоритмизированной социальности, как в этих условиях переоформляются свобода, ответственность и достоинство. Метод - теоретико-аналитический: прояснение терминов, восстановление логики переходов и выделение различий. Показано, что свобода смещается от автономии к способности различать возможное и предлагаемое и удерживать паузу, ответственность рассыпается в режиме делегированных решений и требует понимания как этического следа участия, достоинство оказывается пределом инструментализации и связывается с правом на непрозрачность, ошибку и несоответствие модели. В заключении обосновывается необходимость философской рефлексии данной ситуации как условия сохранения субъектности в среде, где многое уже просчитано.

Введение. Алгоритмизация социальной среды предстает как качественная трансформация социального порядка и требует отличать ее от просто цифровизации. Цифровизация переводит привычные функции в цифровую форму, а алгоритмизация же описывает состояние, при котором сама реальность субъекта - восприятие, поведение, взаимодействие - все

больше опосредуется, организуется и направляется алгоритмическими системами [1, 17]. В этой ситуации решающей становится не техническая сторона, а философско-антропологическая: меняется способ, каким социальный мир собирается в опыт, какие виды ориентирования считаются естественными и что начинает восприниматься как «избыточное».

Ключевая особенность алгоритма как формы социального порядка - его незаметная определяющая сила. В отличие от правовой нормы или морального предписания алгоритм не требует сознательного подчинения и не предъявляет себя как прямое должествование. Он действует мягче - не запрещает, а предлагает; не формирует запрос, а предугадывает ответ [2, 121]. Алгоритмическая логика входит в повседневность как конвенция: она создает такие условия, при которых отклонение от предложенного маршрута становится функционально или «энергетически» невыгодным.

Именно так меняется характер самой социальной среды. Если общество мыслится как пространство рождения смыслов, коммуникации, действия и нормы, то в условиях алгоритмизации оно одновременно становится пространством предсказуемости, управляемости и статистической вероятности [3, 165]. Социальное все чаще описывается как система управления вниманием, поведением и даже идентичностью, где субъект оказывается не только участником, но и источником поведенческих данных, из которых конструируется обобщенная модель.

При этом принципиально важно, что алгоритм перестает быть внешним инструментом и оказывается вплетен в ткань взаимодействий с электронной средой. Новостная лента подбирается не по сформулированному запросу, а по предполагаемому интересу, маршруты движения формируются не

на основе знания пространства, а по предпочтениям других пользователей, выбор партнеров, музыки, книг, информации все чаще делегируется системам, обучающимся не в контексте культуры, а в логике вероятности [4, 154]. Поэтому алгоритм мыслится как новая форма легальности, лишенная нормативного языка и не нуждающаяся в легитимации: она «есть», поскольку эффективна.

На этом фоне расшатываются три базовые категории гуманитарной традиции - свобода, ответственность, достоинство. Свобода смещается с конфликта с внешним запретом на навигацию внутри заранее структурированного поля опций; ответственность утрачивает прежнюю опору в акте, поскольку действие становится делегированным и непрямым; достоинство оказывается под угрозой инструментализации, если человеческое начинает представляться миру как вычисляемое и управляемое. Для фиксации масштаба такой перестройки показательна формула Бруно Латур: «мы никогда не были современными, ибо все еще продолжаем мыслить субъект и объект как два разных полюса» [5, 803]. В алгоритмизированной среде привычка к этому разрыву приобретает не только теоретическую, но и этическую цену.

Таким образом, цель статьи - концептуально реконструировать, на основе философского описания алгоритмизированной социальности, как меняются условия субъектности и

почему свобода, ответственность и достоинство требуют переоценки не в юридическом, а в онтологическом смысле. Задачи состоят в том, чтобы: прояснить алгоритм как форму нормативности без нормативного высказывания; показать, как свобода переходит из режима автономии в режим различения между возможным и предлагаемым; описать ответственность как форму присутствия в последствиях делегированного действия; выделить достоинство как предел инструментализации и критерий различения между «живым» и «моделируемым».

Методология. Материалом исследования является концептуальный анализ, описывающий алгоритмизацию как качественную интернализацию алгоритма в социальную ткань и как топологическую модификацию социального времени, пространства и субъектности. Метод носит теоретико-аналитический характер: речь идет об анализе и интерпретации понятий и различений, об их сопоставлении и выведении следствий из заданной аргументации, без привлечения внешних эмпирических данных.

В целом, работа строилась как «понятийная реконструкция». Сначала фиксировались термины, обладающие структурным статусом: алгоритмизация, нормативность, структура возможного, интерфейсная рациональность, фильтрационная архитектура, алгоритмическое отчуждение, рассеянная агентность. Затем восстанавливались переходы

между ними: как из незаметности алгоритма выводится новая нормативность; почему предикция способна подменять запрос; каким образом алгоритмическая селекция формирует символический горизонт субъекта; как из делегирования вытекает расплытие ответственности; почему достоинство связывается с правом на непрозрачность и несовпадение с моделью.

Критерием корректности выводов выступала внутренняя связность реконструкции: результатом считались лишь те тезисы, которые можно вывести из текста источников через последовательное уточнение понятий и явные связи аргументов. Отсюда следует принципиальное ограничение исследования: «результаты» понимаются как результаты анализа - артикулированные связи, типологии и различения, а не как эмпирические обобщения или статистические показатели.

Результаты. Результаты анализа складываются в комплекс взаимосвязанных тезисов о том, как алгоритмизированная среда переоформляет социальность и субъектность.

Алгоритмизация описывается как онто-социальная трансформация: алгоритм не находится вне социальных практик, а вплетен в них и перестраивает их изнутри. Вследствие этого социальная среда начинает мыслиться не только как пространство смыслов и норм, но и как пространство вероятности и

управляемости, где внимание и поведение включаются в матрицу данных [6, 77]. Отсюда выводится когнитивная трансформация: понятийная и критическая обработка опыта вытесняется статистическими шаблонами, а человеческое действие описывается в категориях клика, реакции, задержки, конверсии - то есть в терминах, у которых отсутствует связь с субъектной глубиной, но которые идеально вписываются в архитектуру платформ.

Центральным механизмом такой среды становится структура возможного - совокупность сценариев, которые оказываются социально допустимыми, «видимыми» и культурно приемлемыми благодаря алгоритмической селекции [7, 118]. Границы здесь оформляются не как запрет, а как вероятностный ландшафт: одни траектории систематически усиливаются и становятся «естественными», другие формально не отменяются, но теряют шанс быть встреченными. Нормативность смещается с языка норм на архитектуру возможностей.

Из этого следует различие двух сред: среды, где субъект действует, и среды, где субъект алгоритмически воспроизводится. В первой необходимы понимание, интерпретация, формирование отношения; во второй достаточно точности предиктивной корреляции. Различие носит онтологический характер, потому что затрагивает условия, в которых человек остается мыслящим и медлящим существом.

Когда пауза, промедление и неопределенность начинают восприниматься как функциональная неэффективность, пространство рефлексии сокращается, а «медленное мышление» переводится в разряд помех.

Алгоритм, таким образом, утверждается как нормативность без нормативного высказывания. Он не предъявляет себя как власть и не требует согласия, но действует через интерфейс, подсказку и удобство, стремясь к незаметности собственной нормативности. В этой точке выделяется феномен интерфейсной рациональности - режима взаимодействия, в котором выбор совершается не из внутреннего размышления, а по сигналу из среды [8, 435]. Так, возникает псевдо-активная субъектность: человек переживает себя действующим, но фактически выбирает среди уже отобранных вариантов, а многовариантность интерфейса оказывается формой имитации автономии.

В условиях информационной избыточности особую роль приобретает фильтрационная архитектура платформ. Она не просто сортирует информацию, а формирует символический горизонт субъекта, указывая не только «что смотреть», но и «что не видеть». Следствием выступает алгоритмическое отчуждение: новый тип социальной изоляции, в котором субъект живет в «мире, подобранном под него». Проблема здесь не в явном навязывании, а в снижении вероятности встречи с иным - с тем,

что могло бы изменить, озадачить, потревожить и тем самым расширить горизонт выбора.

Свобода в алгоритмизированной среде также переоформляется. В традиционной оптике свободным считался тот, кто способен преодолеть внешнее, утвердив внутреннюю меру; в цифровом обществе граница внешнего и внутреннего размывается, поскольку алгоритм действует «через» желания и привычки, совпадая с ними. Парадокс таков - чем точнее система «понимает» субъекта как поведенческую модель, тем меньше у него оснований сопротивляться - свобода становится бесконфликтной капитуляцией перед удобством [2, 127]. Она редуцируется до навигации внутри оптимальных опций, где выбор превращается в отклик, а случайность, ошибка и пауза становятся статистическим шумом.

Ответственность, в свою очередь, утрачивает прежнюю линейность. Современное действие все чаще делегировано: мы запускаем механизмы, настраиваем процессы, программируем, но не присутствуем в результате как инициаторы в привычном смысле. Появляется феномен «ответственности без участника»: последствия есть, а инстанция действия размыта. Это описывается как рассеянная агентность - действие, распределенное по сети взаимозависимых акторов и медиаторов, где решения «делают» не лица, а протоколы [9, 31]. При этом даже очевидность ошибок (например, в кредитных решениях, в автономных

системах наблюдения, в предвзятости нейросетевых фильтров) не возвращает простую схему вины: она лишь подчеркивает распыленность участия.

Достоинство в этой конфигурации выступает нервом антропологической границы, его угроза проявляется не как прямое посягательство, а как инструментализация через опеку и удобство: ценность личности подменяется эффективностью, уникальность - персонализацией, глубина - адаптацией. Достоинство не закрепляется декларацией и не встраивается в интерфейс, оно проявляется в праве на несовпадение с моделью: на молчание, ошибку, странность, непрозрачность. Отсюда выводятся условия цифровой субъектности с достоинством: культура различия, восстановление плотности действия (переход от «я нажал» к «я принял»), удержание внутренней паузы и способность сказать «нет» - не из жеста бунта, а из нежелания быть сведенным к метрике.

Обсуждение. Полученные результаты показывают: алгоритмизация действует не через прямой запрет, а через изменение горизонта возможного и режима видимости. В классической ситуации сопротивление мыслилось как выход за пределы нормы. Здесь же норма не говорит и не приказывает - она проектирует. Поэтому сопротивление не сводится к отрицанию; оно начинается с философского различия технологического как функционального и технологического

как онтологически значимого. Это различие и возвращает видимость собственно человеческого - того, что иначе растворяется в «само собой разумеющемся» удобстве.

В этой рамке свобода приобретает новую трудность - если интерфейсная рациональность стремится устранить паузу между стимулом и действием, свобода оказывается связана именно с паузой - с правом не реагировать немедленно. Это не эстетизация «медленности», а указание на условие, без которого не удерживается субъектное усилие: возможность сомнения, задержки, понятийной переработки опыта. Свобода начинает требовать времени против удобства, потому что удобство стремится закрыть пространство выбора, делая его избыточным: предлагая то, что «точно подойдет», «вы это искали», «вам понравится».

Переосмысление ответственности движется в том же направлении - рассеянная агентность делает бесплодным поиск одного виновного как единственного ответа, но она же усиливает значимость вопроса о соучастии. Сама возможность делегировать уже предполагает доверие, а доверие есть выбор. Поэтому ответственность можно понимать как этический след: способность остаться видимым в собственных последствиях, даже когда причинность растянута, а влияние редко совпадает с намерением. В этом смысле ответственность становится не эпизодом и не героическим поступком, а режимом соприсутствия

- трудной дисциплиной внимания к тому, что мы запускаем и допускаем.

Достоинство, на этом фоне, перестает быть риторическим украшением. Оно не утверждается декларацией и не кодируется в интерфейсе, потому что достоинство не является функцией и не имеет цены. Достоинство проявляется там, где человек отказывается сводиться к метрике и сохраняет право на непрозрачность - на то, что не переводится в конверсию. Этот отказ не обязан быть публичным конфликтом; он может быть внутренне несговорчивым и тем сильнее. Здесь свобода и ответственность сходятся с достоинством: в праве не совпадать, в способности удерживать разрыв между желаемым и должным, между удобным и достойным.

Наконец, цифровая субъектность с достоинством невозможна без культурных и образовательных опор. Алгоритмизированная среда склонна подменять «быть человеком среди людей» фигурой персонализированного профиля - точки настройки, а не точки сопричастности. Поэтому особую роль получают пространства, где возможно со-участие, а не только самопрезентация: образование, культура, язык. Через них воспроизводится образ человека, который не исчерпывается интерфейсом. Именно поэтому алгоритмическая селекция оказывается сродни тому, что гуманитарная традиция описывала как режим видимости у Мишель Фуко

и как эпистемологическое поле у Пьер Бурдьё; только теперь такое поле конструируется программной архитектурой, часто лишенной подотчетности и прозрачности. В этом контексте становится понятен и образ Умберто Эко о «человеке с удаленным содержанием»: если из языка и опыта исчезает память и внутренний вес, субъект легче растворяется в потоках актуальности, а достоинство превращается в пустую формулу.

Заключение. Алгоритмизация социальной среды предстает как качественная перестройка социального порядка: алгоритм, вплетенный в повседневность, действует как нормативность без нормативного высказывания и направляет поведение через архитектуру возможностей и режимы видимости. В результате социальное начинает мыслиться не только как пространство смыслов и норм, но и как пространство вероятности и управляемости, где субъект рискует стать элементом поведенческой модели.

Свобода в такой среде не уничтожается напрямую, но смещается: она становится способностью различать возможное и

предлагаемое, удерживать паузу и право на несовпадение с предложенным маршрутом. Ответственность перестает следовать за действием линейно и расплывается в сетях делегирования, однако сохраняется как обязанность присутствовать в собственных последствиях - как этический след участия. Достоинство фиксирует антропологический предел, который не переводится в метрику: оно проявляется в сопротивлении инструментализации, в способности быть непрозрачным, ошибочным, медленным.

Итоговый вывод заключается в том, что свобода, ответственность и достоинство в алгоритмизированной социальности должны мыслиться не как готовые нормативные формулы, а как формы жизни, требующие философского труда различения. Это различение по необходимости медленно: оно удерживает напряжение между удобством и достоинством, между предсказуемостью и возможностью поступить иначе, между навигацией и мышлением. В этом темпе и возникает шанс вновь увидеть субъекта в пространстве, где многое уже подсчитано.

References:

1. Иванов Д. В.; Асочаков Ю. В. (Ivanov D.V.; Asochakov Y.V.). 2023. «Цифровизация и критическая теория общества» (Digitalization and Critical Theory of Society). Социологические исследования. (Sociological Studies), № 6, с. 16–28. DOI: 10.31857/S013216250024389-0 (дата обращения: 13.01.2026)
2. Йеунг, Карен (Yeung, Karen). 2017. 'Hypertext': Big Data as a mode of *regulation by design*. Information, Communication & Society, 20(1): 118–136. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1186713. (дата обращения: 10.02.2026)

3. Рувруа А., Бернс Т. Algorithmic Governmentality and Prospects of Emancipation: Disparateness as a Precondition for Individuation through Relationships? // Réseaux. – 2013. – № 177(1). – P. 163–196. – <https://doi.org/10.3917/res.177.0163> (дата обращения: 1.02.2026)
4. Эслами М., Рикман А., Ваккаро К. и др. “I always assumed that I wasn't really that close to [her]”: Reasoning about invisible algorithms in news feeds // CHI 2015 – Proceedings of the 33rd Annual CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. – ACM, 2015. – P. 153–162. – DOI: 10.1145/2702123.2702556. – URL: https://www-personal.umich.edu/~csandvig/research/Eslami_Algorithms_CHI15.pdf (дата обращения: 8.02.2026).
5. Barad K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 2003. Vol. 28, No. 3. P. 801–831. DOI: 10.1086/345321. URL: <https://doi.org/10.1086/345321> (дата обращения: 10.02.2026)
6. Zuboff S. Big other: surveillance capitalism and the prospects of an information civilization // Journal of Information Technology. 2015. Vol. 30. P. 75–89. DOI: 10.1057/jit.2015.5. URL: <https://edshare.soton.ac.uk/id/document/289051> (дата обращения: 1.02.2026)
7. Hallinan B., Striphas T. Recommended for you: The Netflix Prize and the production of algorithmic culture // New Media & Society. 2016. Vol. 18, No. 1. P. 117–137. DOI: 10.1177/1461444814538646. URL: <https://doi.org/10.1177/1461444814538646> (дата обращения: 15.01.2026)
8. Weinmann, M., Schneider, C., vom Brocke, J. Digital Nudging. Business & Information Systems Engineering. 2016. Vol. 58. P. 433–436. DOI: 10.1007/s12599-016-0453-1. (дата обращения: 15.01.2026)
9. Nissenbaum H. Accountability in a Computerized Society // Science and Engineering Ethics. 1996. Vol. 2. P. 25–42. DOI: 10.1007/BF02639315. URL: <https://nissenbaum.tech.cornell.edu/papers/accountability.pdf> (дата обращения: 8.02.2026).